

УДК 303.446.4

**К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ**

© 2025 А.В. Захарченко¹, А.В. Морозов²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

² Средняя общеобразовательная школа с. Красный Яр
муниципального района Красноярский Самарской области

Статья поступила в редакцию 25.08.2025

Ссылка для цитирования: Захарченко А.В., Морозов А.В. К вопросу оценки личности Лаврентия Берии в историографии и публицистике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Том 7 2025. Номер 4. С. 123-132.

Противоречивость в оценке деятельности Л.П. Берии как одного из представителей сталинской элиты является фактом не только в исторической публицистике, но и в современной историографии. В статье данная проблема раскрывается через анализ позиций исследователей, оценивавших профессиональные качества Берии как заместителя Сталина в правительстве. Опровергается тезис о его устойчивом стремлении ограничить репрессии, который встречается в исторической публицистике. Делается вывод о том, что в зарубежных и отечественных исследованиях, посвященных «сталинскому наркомуну», совпадают суждения не только о его достаточно высоких управленческих навыках как хозяйственного руководителя, но и об умении выстраивать и укреплять сеть клиентел, обеспечивавших прочные позиции в советской политической системе 1930-1950-х гг.

Ключевые слова: Л.П. Берия, И.В. Сталин, НКВД, репрессии, Совет Народных Комиссаров, советская экономика, государственное управление.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-4-123-132

EDN: AGGIXZ

В историографии пока не сложилось единого мнения о том, насколько эффективна (в логике сталинской диктатуры) была деятельность Лаврентия Павловича Берии как руководителя. Рассуждения публицистов на этот счет относительно «эффективного менеджера» вряд ли стоит отнести к обоснованным¹. В этом отношении будет правильнее говорить о том, что публицистическая апологетика, посвященная Берии, и научная историография, так или иначе затрагивающая его деятельность, не пересекаются и живут, не замечая друг друга. Со стороны профессиональных историков такая позиция объясняется пренебрежением «публицистами-бериеведами» элементарными нормами научной этики. К таковым проявлениям относятся: грубый стиль, порой переходящий в ругательства, отсутствие ссылок на источники, игнорирование анализа историографии, что делает любые публицистические суждения голословными. Публицистов, по всей видимости, не устраивают сдержанные оценки историков, отсутствие у них категоричности. Характерный пример – присутствие в «агиографической» публицистике, посвященной Берии, мнения о его нацеленности на реформы карательной системы, направленные на исправление «перегибов». Поверхностный взгляд дает, казалось бы, основание утверждать, что дважды его действия

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук. E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

Морозов Алексей Владимирович, учитель истории и обществознания. E-mail: morozov-av5@yandex.ru

были связаны со смягчением или даже сворачиванием репрессий. Первый раз – в 1938 г., когда Берия сменил Николая Ежова на посту главы НКВД СССР. Второй раз ветер перемен «подул» в марте-июне 1953 г., когда Берия, уже всеильный министр внутренних дел, заместитель председателя правительства, один из лидеров послесталинского «коллективного руководства», начал процесс реабилитации, запомнившийся массовой амнистией, прекращением «дела врачей» и «мингрельского дела», которое таило угрозу лично для него. Поверхностный взгляд представителей «бериевской апологетики» привел их к твердому убеждению: «Берия действительно не был сторонником крайностей, как это постоянно утверждают, и уж тем более не был сторонником расстрельных приговоров»². Однако обращение даже к тем документам, которые на данный момент опубликованы, дает основания к выдвиганию иных суждений. На наш взгляд, вся деятельность Лаврентия Павловича Берии как руководителя мотивировалась стремлением расширить пределы своего влияния среди «коллег» в высшем политическом руководстве страны. Этот же мотив выступал ключевым и проявлялся в послушном следовании курсом, выработанным Сталиным. Свертывание «Большого террора» 1937-1938 гг. стало проводиться по указанию Сталина до прихода Берии к руководству НКВД. Знаменитое постановление Совнаркома и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное вождем и адресованное региональным структурам НКВД, прокуратуре и партийным комитетам от республиканского до районного уровней, вышло 17 ноября 1938 г.³. В это время Берия уже был переведен в Москву, но пока еще занимал должность первого заместителя наркома внутренних дел Н. Ежова, сменив его только 24 ноября 1938 г.⁴. Да и сложно представить, как мог Берия, даже возглавив НКВД, выступить с инициативой пересмотра сталинской политики репрессий, взяв на себя смелость перестроить работу органов внутренних дел в этом направлении? Вероятно, что Берия просто использовал курс на смягчение репрессий, повлекший за собой смену руководства НКВД во главе с Н. Ежовым, для дискредитации своего шефа и старых ежовских кадров. Это давало Берии возможность воспользоваться чисткой в НКВД, чтобы продвинуть своих людей и укрепить позиции в недавно возглавленном ведомстве, а заодно и подтвердить неукоснительное следование политике вождя. Как показали дальнейшие события, это ему удалось. Переезд в Москву в 1938 г. и пост руководителя НКВД открыл перед Берией путь к ближнему сталинскому кругу.

«Реформы» Берии 1953 г. также не имеют никакого отношения к его либерализму. Резолюции Берии, которые он, будучи руководителем ЦК КП Грузии, ставил на протоколах допросов в 1937-1938 гг. («арестовать», «взять крепко в работу», «арестовать и допросить основательно», «взять в работу и добиться признания», «арестовать, и сегодня же взять в работу и жену», «крепко излупить»)⁵, не позволяют говорить о его подспудном стремлении сдерживать репрессии. Наоборот, следует с большим доверием отнестись к материалам его уголовного дела и знаменитого пленума ЦК КПСС 2-7 июля 1953 г., которые показывают, что Берией двигало стремление воспользоваться ситуацией, взять в свои руки инициативу по смене политического курса и таким образом обеспечить себе лидерство в «коллективном руководстве», а потом и забрать всю полноту власти. В таком случае в действиях Берии прослеживается линия, которой он придерживался и ранее. Об этом пишут и авторы одного из первых опубликованных документальных комплексов по «делу Берии», отмечая, что, вступив после смерти Сталина в борьбу за власть, он «имел продуманную программу действий»⁶. Инициировав политический поворот, Берия получал преимущества над другими представителями «коллективного руководства», на которых можно было бы списать «перегибы» сталинской политики, выставив себя реформатором. Так или иначе, принимая во внимание те или иные тренды в оценках «Берии-реформатора», его качествах как управленца, следует иметь в виду суждение историка О.В. Хлевнюка, высказанное еще в 1990-е

гг., но актуальное и по сей день: «Необходимо признать: некоторая переоценка Берии неизбежна. Думаю, это всегда понимали серьезные специалисты: уж слишком карикатурно выглядел наскоро слепленный в 1953 г. образ «английского шпиона – сексуального маньяка», виновного в преступлениях сталинизма больше, чем сам Сталин. Вопрос заключается в ином: насколько далеко может зайти подобная переоценка, каковы пределы «исторической реабилитации» Берии. Пока создается впечатление, что именно реабилитационный крен в последнее время набирает силу»⁷.

По всей видимости, устоявшиеся штампы в оценках личности Берии не могут добавить оптимизма специалисту-историку. Беда с анализом историографии (точнее, ее полным отсутствием) и попросту вульгарным цитированием источников без их указания является общим местом для абсолютного большинства произведений популярной литературы о сталинском наркоче и зачастую просто обнуляет их информационную ценность. Пример с изучением биографии Берии подтверждает и сложившаяся ситуация с биографическими работами о Сталине, когда книги О.В. Хлевнюка как результат его многолетних научных изысканий просто «тонут в океане» книжной низкосортной продукции, в лучшем случае претендующей на роль исторической беллетристики.

Процесс мифологизации фигуры Берии в публицистике существенно обгоняет научные изыскания, направленные на непредвзятое изучение одной из ключевых фигур сталинской партийно-государственной элиты. Некоторые публикации «материалов» представляют собой грубые фальсификации, например, так называемые «дневники Берии», к сожалению, неоднократно переизданные. Другие работы, авторы которых ставят своей задачей развенчать мифы, дискредитирующие образ Берии как выдающегося государственного деятеля, сами содержат элементы мифотворчества. Чего стоит утверждение о том, что Берии никто не арестовывал, следствие по его делу не велось, он был убит, а его труп немедленно кремирован 26 июня 1953 г. Все сохранившиеся документы по делу Берии автор этой конспирологической версии считает сфальсифицированными⁸. При этом считает априори, без непосредственного изучения документов. Таким образом, пытаясь опровергнуть «100 мифов о Берии», данный автор продуцирует очередной, 101-й миф. С другой стороны, для настоящего опровержения этого мифа потребовались серьезные усилия профессиональных историков, опубликовавших комплексы документов по «делу Берии» из Архива Президента Российской Федерации, которые в 2011 г. были переданы в Российский государственный архив социально-политической истории. К ним относятся также материалы допросов «всесильного наркоче» и подчиненных, которых он включал в свой ближний круг сослуживцев. Эти допросы на протяжении нескольких месяцев (с июля по ноябрь 1953 г. включительно) после ареста Берии велись генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко⁹. О масштабах данной работы по выявлению и публикации документов свидетельствует тот факт, что только материалы уголовного дела по обвинению Берии начитывают 40 томов¹⁰.

Из публицистики бериевская апологетика с отрицанием подлинности исторических документов, нелицеприятно характеризующих сталинского наркоче, перешла и в публикации, претендующие на научность. Однако необходимо указать, что такой подход характерен лишь для отдельных представителей не исторических, а медицинских, филологических и педагогических наук¹¹.

Вместе с тем справедливости ради необходимо отметить и наличие относительно взвешенных суждений, встречающихся в работах писателей и журналистов, взявших на себя нелегкую задачу написания биографической работы о «сталинском наркоче». Однако и здесь мы сталкиваемся с другой проблемой, которую можно охарактеризовать как «смещение жанра». Ее суть заключается в том, что замысел книги-биографии воплощается в конечном результате в книгу в жанре «эпоха на фоне личности», где за такими событиями,

как массовые репрессии 1937-1938 гг., развертывание системы ГУЛАГа, массовые депортации 1941, 1943-1944 гг., создание атомной бомбы и т.д., теряется один из их главных участников и организаторов¹².

В научной литературе также существуют разные взгляды на Берия как на администратора и хозяйственника. Некоторые западные биографы, до 1990-х гг. имевшие весьма ограниченную источниковую базу, были склонны крайне демонизировать эту фигуру, как это сделал Таддеуш Виттин, выпустивший объемную монографию: «Комиссар. Жизнь и смерть Лаврентия Павловича Берии»¹³.

Однако другие зарубежные исследователи старались придерживаться более взвешенных оценок.

Американский политолог Эми Найт в своей книге отмечала, что после прихода Л.П. Берии к руководству в НКВД производственная деятельность ГУЛАГа на рубеже 1930-1940-х гг. стала более продуктивной по сравнению с периодом, когда НКВД управлял Ежов¹⁴. Найт полагала, что реорганизация НКВД в 1941 г. и выделение из него структуры, отвечавшей за безопасность, сократили пространство власти наркома внутренних дел. Но Берия к тому моменту уже был переведен на пост заместителя председателя СНК СССР с сохранением поста главы НКВД. Это означало перемещение на более высокую позицию во властной иерархии¹⁵.

Интересен анализ работы Берии через выстраивание собственной сети патрон-клиентских отношений. Наличие таких сетей представил историк Тимати Блаувельт, раскрывший данный вопрос на примере деятельности советских региональных элит на Кавказе¹⁶. Как полагает Т. Блаувельт, «тот факт, что неформальная сеть Берии была создана на базе тайной полиции, придало ей особую слаженность и мощь. Этому способствовали также личные амбиции, способности и жестокость Берии»¹⁷. Другие представители сталинской элиты тоже создавали и использовали подобные сети, однако Берия, используя такие отношения в своих интересах, умел решать сложные задачи, «способствуя, тем самым, общей эффективности системы»¹⁸.

Как свидетельствуют воспоминания современников, материалы уголовного дела Берии, а также стенограмма состоявшегося в начале июля 1953 г. пленума ЦК КПСС, инициированного его бывшими коллегами по сталинскому ближнему кругу (Н. С. Хрущевым, Г.М. Маленковым и др.), некогда всесильный министр (после смерти Сталина помимо поста первого заместителя председателя правительства Берия возглавил МВД СССР) умел управлять сетью своих протезе как в Москве, так и в регионах, в том числе в Закавказье¹⁹. И если в последние месяцы жизни вождя «бериевская клиентала» в Грузии была существенно ослаблена, то в случае с Азербайджаном, где на протяжении почти 20 лет (1933-1953 гг.) во главе республиканской партийной организации стоял Мир Джафар Багиров, дело обстояло иначе. Будучи обязанным Берии своим возвышением, азербайджанский лидер продолжал сохранять лояльность своему шефу вплоть до его падения²⁰. По свидетельству историка Й Баберовски, изучавшего тему функционирования клановых отношений на Кавказе в 1920-1930-е гг., «Берия и Багиров были мастерами инсценировки культа личности второго ранга, который не ставил под сомнение ранжирование в сталинской системе феодальных отношений. Не случайно поэтому они не только благополучно пережили Большой террор, но и усилили благодаря ему свои позиции»²¹.

С таким же вниманием Берия относился к своему секретариату и тем профессиональным группам высококвалифицированных специалистов (ученых-физиков в «атомном» проекте, конструкторов, инженеров-оружейников и директоров оборонных заводов в годы Великой Отечественной войны, экономистов из Госплана и т.д.), которые на своих плечах выносили реализацию сложнейших государственных задач. По словам Е.Я. Чадаева (в 1940-1949 гг. глава Управления делами Совета Народных Комиссаров, с марта 1946 г. – Совета Министров СССР), Берия располагал самым многочисленным и профессиональным секретариатом в правительстве, представители которого имели серьезный опыт работы в Госплане и наркоматах²².

Австралийский историк, известный специалист по истории повседневных практик в сталинскую эпоху Шейла Фицпатрик в своей монографии об окружении Сталина не могла обойти и фигуру Л.П. Берии, который представлял вторую волну поколения партийно-государственной элиты вместе с Маленковым, Вознесенским, Ждановым и Хрущевым²³. Фицпатрик полагает, что Берия вошел в ближний круг Сталина с началом войны, после чего неуклонно усиливал свои позиции. Так, в первые дни войны, когда подавленный вождь уехал на дачу, Берия участвовал в экстренном заседании в Кремле (в составе самого Берии, Маленкова, Микояна, Молотова, Ворошилова, Вознесенского). Автор, по всей видимости, полностью доверяет письму Берии²⁴, которое он после ареста в июне 1953 г. направил Маленкову и Хрущеву, полагая, что именно с подачи Берии было принято решение создать Государственный Комитет Оборона²⁵.

В декабре 1943 г. Берия входит вместе с Молотовым, Микояном, Маленковым в Оперативное бюро ГКО²⁶, которое занимается хозяйственными вопросами – прежде всего координацией наркоматов и других ведомств, задействованных в производстве продукции для фронта. Как отмечает Фицпатрик, это была основная группа, которая собиралась без заранее запланированной повестки поздним вечером, без протокола, у каждого была возможность высказаться²⁷. Учитывая стремительное усиление Берии именно в военный период, когда под его кураторство попадали все новые направления военной экономики, он весьма успешно пользовался этой возможностью, о чем говорит частота посещений им кремлевского кабинета Сталина – здесь он занимал вторую позицию сразу после Молотова.

Анализируя поведение Берии в период войны, когда он курировал в ГКО военное производство, Фицпатрик подчеркивает факт административных амбиций главы НКВД, который «на протяжении всей войны брал на себя все больше и больше обязанностей»²⁸. Оценивая хозяйственную работу Берии и других сталинских замов в правительстве в годы войны, Фицпатрик отмечает, что успехи в экономике «были на удивление хорошими, лучше, чем у военных»²⁹. Как сильный администратор Берия, по мнению автора, «был в это время на высоте, хотя некоторые объясняли это его интриганством». Однако Фицпатрик воздерживается от общей оценки Берии как руководителя, отмечая, что составить о нем ясное представление довольно сложно, «так как его дискредитация в 1953 г. сделала его удобным козлом отпущения»³⁰. Гораздо увереннее автор в оценках полномочий, которыми располагал Берия, держа под контролем в годы войны все направления деятельности вверенного ему НКВД и отвечая за конкретные сектора экономики как член ГКО: «помимо внутренней безопасности и внешней разведки, депортаций, ГУЛАГа и нескольких сотен тысяч пограничных войск НКВД, он контролировал эвакуацию оборонной промышленности, снабжение рабочей силой и передвижение войск и техники на фронт». В ГКО он контролировал производство вооружений и боеприпасов. За дополнительными зонами ответственности Фицпатрик видит проявление довольно высокого уровня компетентности Берии как руководителя: «Расширение сферы его обязанностей, часто описываемое как стремление к созданию империи и любовь к интригам, также предполагает и необычайную степень его компетентности»³¹. На наш взгляд, тот факт, что Берия отказался от руководства работой железных дорог, когда Сталин пытался передать ему это направление от не справившегося с этой работой Кагановича³², несколько не вносит исключительный нюанс в карьеризм Берии, как полагает Фицпатрик. Как раз наоборот – руководство железными дорогами с точки зрения административного ресурса являлось в какой-то степени «расстрельной» позицией, тем более в годы войны. Взяв этот груз ответственности, Берия ставил бы себя под постоянные удары со стороны коллег, и прежде всего Сталина, за хронические проблемы с логистикой, находясь в позиции виноватого, когда все ведомства – и военные, и гражданские – требовали бы от него, а не наоборот, как это было в случае с «атомным проектом».

Он был слишком хитер и трепетно относился к своему реноме, соглашаясь на расширение зоны ответственности только в случае, если это усиливало его аппаратный вес.

Фицпатрик отмечает, что во второй половине 1940-х позиции Берии в сталинском окружении стали еще весомее: «Он обгоняет Молотова по частоте посещений сталинского кабинета в IV квартале 1945 г. и остается на этом почетном месте в течение следующих двух лет – 1946-1947 гг»³³. В то же время автор полагает, что «карьера Берии в 1945 г. явно пошла вниз» после раздела МВД на два министерства – государственной безопасности (МГБ) и внутренних дел (МВД), поскольку «первое из которых возглавлялось его близким соратником, а второе – нет»³⁴. На наш взгляд, такое утверждение также является спорным, учитывая тот факт, что как заместитель Сталина в правительстве Берия продолжал курировать МВД.

О.В. Хлевнюк в одной из своих работ в 1990-е гг. писал, что само назначение Сталиным на должность главы НКВД СССР Берии в 1938 г. не было случайным: «Сталин ценил его деловые качества...»³⁵. Как полагает автор, «придя к власти в наркомате на волне «либеральных реформ», Берия на самом деле с первых шагов проявил себя как жестокий и энергичный хозяин, заинтересованный прежде всего в упрочении интересов своего ведомства и распространении его влияния»³⁶. Таким образом, О.В. Хлевнюк одним из первых поднял вопрос о ведомственном лоббизме Берии с целью укрепления его властных позиций. Он также полагает, что «именно Берия более своих предшественников способствовал тому, что Наркомат внутренних дел превратился в крупнейшее хозяйственное ведомство»³⁷.

Исследователь Д.В. Кобба, оценивая деятельность Берии, отмечал, что при нем «ГУЛАГ превратился в огромный производственный комплекс, работа которого была совершенно необходима в системе особенно в период войны, когда ресурсы строго лимитировались, а показатели по критерию стоимость – эффективность для предприятий истроек ГУЛАГа были наивысшими»³⁸. Похожие суждения применительно к самому ГУЛАГу высказывал и историк М.Ю. Моруков, дав характеристику этому ведомству как «стратегическому резерву страны»³⁹. Оба исследователя положительно оценивают идею организации «шарашек» – специальных конструкторских бюро, где проводили свои исследования лишенные свободы советские ученые и инженеры. Берия был одним из создателей «шарашек» в системе НКВД. Такие суждения относительно руководства ГУЛАГом Берией, мягко говоря, спорны и нуждаются в корректировке.

В.Ф. Некрасов, одним из первых работавший с архивными документами по «делу Берии», а также с материалами его секретариата, также представляет две стороны «железного наркома»: человеческую, которая находилось «ниже всякой критики», и административно-бюрократическую. С этой стороны Берия заслуживает более высокой оценки. На такую мысль Некрасова наводят многостраничные отчеты о хозяйственной деятельности НКВД: «Согласитесь, читатель, – резюмирует автор, – что и аппарат у Берии и сам он умели, особенно в критических ситуациях, работать быстро и качественно, а сам он умел еще и доложить об этом вовремя и красиво»⁴⁰. Добавим, что данное умение – одно из ключевых в арсенале Берии, которое он использовал для укрепления своих позиций в сталинском окружении.

Таким образом, мы можем констатировать несколько аспектов, проявлявшихся в публицистике и научной литературе и имеющих непосредственное отношение к личности Берии. Судя по всему, для публицистов «пределов исторической реабилитации» Берии не существует, о чем свидетельствуют факты не только умалчивания, но и прямого отрицания реальных документов, так или иначе разрушающих «агиографический» образ эффективного сталинского менеджера. Об отсутствии границ реабилитации среди сторонников «бериевской апологетики» свидетельствует их решимость не останавливаться даже перед созданием и поддержанием культа своего героя через откровенные фальшивки – «дневники Берии». Данная ситуация затрудняет конструктивный диалог между публицистами и историками.

Историографическая ситуация с оценкой личности Берии как управленца, его качеств администратора выглядит более вариативной. Большинство историков оценивают Лаврентия Берия как циничного, жесткого, порой жестокого представителя сталинского окружения, мастера интриг. С другой стороны, отмечается, что этот человек обладал навыками, позволяющими организовать вокруг него работоспособную команду, управлять клиентами, работать с аппаратом сотрудников, отбирая туда не только по принципу лояльности и личной преданности, но и с учетом высокого уровня профессионализма. Совокупность таких умений позволяла Берии достигать впечатляющих результатов на порученных ему участках хозяйственной работы, будь то управление военной промышленностью в годы войны или создание атомной бомбы.

Важно также отметить, что для Берии, как и для любых соратников Сталина, получение нового участка работы было сопряжено с дополнительными обязательствами и грузом ответственности. Однако стимулом их получения выступали сугубо карьерные соображения: укрепление бюрократических позиций через доступ к новым кадровым и материальным ресурсам, получение дополнительных властных полномочий. Новый проект или задание, новое направление деятельности и ответственности – это расширение сферы своего влияния в сталинском окружении, получение дополнительных каналов влияния на вождя, что давало Лаврентию Берии шанс расширить пространство контроля над властными ресурсами, главным распределителем которых был Сталин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прудникова Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005; Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века. Изд-во «Эксмо», Москва, 2011; Мартиросян А.Б. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917-1941 гг. М.: Вече, 2010; Он же. От славы к проклятиям. 1941-1953 гг. М.: Вече, 2010.
- ² Мартиросян А.Б. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? С. 79.
- ³ Данный документ неоднократно публиковался: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938-1939 / под ред. В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 307-311.
- ⁴ Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: Художественно-документальное повествование. М.: Версты, 1995. С. 220.
- ⁵ Политбюро и дело Берия. Сборник документов / под общей ред. О.Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. С. 446.
- ⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. С. 7.
- ⁷ Хлевнюк О.В. Берия: пределы реабилитации // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Бордюгова Г.А. М.: «АИРО-XX», 1996. С. 149.
- ⁸ Мартиросян А.Б. От славы к проклятиям... С.343-352.
- ⁹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / составитель В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2012.
- ¹⁰ Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: Художественно-документальное повествование. М.: Версты, 1995. С. 213.
- ¹¹ Петров В.В., Марусенко М.А., Пиотровская К.Р., Маньяс И.Н., Мамаев Н.К. Об авторстве «писем Берии из заточения» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т.10. Вып. 3. 2019. С. 586-605.
- ¹² Млечин Л.М. Лаврентий Берия. История написана кровью / Фонд поддержки социальных исследований РГАСПИ. М.: Политическая энциклопедия, 2021; Соколов Б.В. Берия. Судьба всемогущего наркома. М.: АСТ: Астрель, 2008.
- ¹³ Vittlin T. Commissar: The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria New York: Macmillan, 1972.
- ¹⁴ Knight Amy. Beria, Stalin's first lieutenant. Princeton University Press. 1995. P. 105
- ¹⁵ Ibid. P. 106.
- ¹⁶ Blauvelt T.K. The establishment of Soviet power in Abkhazia: ethnicity, contestation and clientalism in the revolutionary periphery // Revolutionary Russia. L., 2014. Vol. 27, N 1. P. 22-46.

- ¹⁷ *Blauvelt T.K.* March of chekists: Beria's secret police patronage network and Soviet crypto-politics // *Communist and Post-Communist Studies*. №44. 2011. P. 73-88. P.88.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 87-88.
- ¹⁹ *Исмаилов Э.* История «большого террора» в Азербайджане / Эльдар Исмаилов. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- ²⁰ *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. – М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 855 с. С. 757-758.
- ²¹ Там же. С. 744.
- ²² *Куманёв Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы / Ин-т рос. истории РАН и др. М.: Былина, 1999. С. 432.
- ²³ *Фицпатрик Ш.* О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике / Шейла Фицпатрик; перевод с английского Е. Варгиной; под науч. ред. О. Эдельман. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 528 с.
- ²⁴ Политбюро и дело Берия... С. 20.
- ²⁵ *Фицпатрик Ш.* О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике... С. 264.
- ²⁶ Там же. С. 266.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 272
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 273
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 274
- ³³ Там же. С. 305
- ³⁴ Там же. С. 306
- ³⁵ *Хлевнюк О.В.* Берия: пределы реабилитации // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Бордюгова Г.А.* М.: «АИРО-XX», 1996. С. 146.
- ³⁶ Там же. С. 147.
- ³⁷ Там же. С.148.
- ³⁸ *Кобба Д.В.* Государственная деятельность Л.П.Берии (1939-1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 2002. С. 97.
- ³⁹ *Моруков М.Ю.* Правда ГУЛАГа из «Круга первого». М. 2002.
- ⁴⁰ *Некрасов В.Ф.* Тринадцать «железных наркомов»: Художественно-документальное повествование. М.: Версты, 1995. С. 236.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Прудникова Е.* Берия. Последний рыцарь Сталина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 627 с.
2. *Кремлев С.* Берия. Лучший менеджер XX века. Изд-во «Эксмо», Москва, 2011. 797 с.
3. *Мартirosян А.Б.* Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917-1941 гг. М.: Вече, 2010. 480 с.
4. *Мартirosян А.Б.* От славы к проклятиям. 1941-1953 гг. М.: Вече, 2010. 384 с.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938-1939 / под ред. В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 704 с.
6. *Некрасов В.Ф.* Тринадцать «железных наркомов»: Художественно-документальное повествование. М.: Версты., 1995. 416 с.
7. Политбюро и дело Берия. Сборник документов / под общей ред. О.Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.
8. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сос. В.Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
9. *Хлевнюк О.В.* Берия: пределы реабилитации // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Бордюгова Г.А.* М.: «АИРО-XX», 1996. С. 139-155.
10. *Мартirosян. А.Б.* От славы к проклятиям. 1941-1953 гг. М.: Вече, 2010. 384 с.

11. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / составитель В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. 752 с. (Россия XX век. Документы); Политбюро и дело Берия. Сборник документов / под общей ред. О.Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2021. 1088 с.
12. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: Художественно-документальное повествование. М.: Версты., 1995. 416 с.
13. Петров В.В., Марусенко М.А., Пиотровская К.Р., Маньяс И.Н., Мамаев Н.К. Об авторстве «писем Берии из заточения» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т.10. Вып. 3. 2019. С. 586-605.
14. Млечин Л.М. Лаврентий Берия. История написана кровью / Фонд поддержки социальных исследований РГАСПИ. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 646 с.;
15. Соколов Б. В. Берия. Судьба всемогущего наркома. М.: АСТ: Астрель, 2008. 542 с.
16. Исмаилов Э. История «большого террора» в Азербайджане / Эльдар Исмаилов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 239 с.
17. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 855 с.
18. Куманёв Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы / Ин-т рос. истории РАН и др. М.: Былина, 1999. 446 с.
19. Фицпатрик Ш. О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике / Шейла Фицпатрик; перевод с английского Е. Варгиной; под науч. ред. О. Эдельман. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 528 с.
20. Кобба Д. В. Государственная деятельность Л.П. Берии (1939-1953 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 2002. 192 с.
21. Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из «Круга первого». М. 2002. 192 с.
22. Vittlin T. Commissar: The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria New York: Macmillan, 1972. 566 p.
23. Knight Amy. Beria, Stalin's first lieutenant. Princeton University Press. 1995. 395 p.
24. Blauvelt T. K. The establishment of Soviet power in Abkhazia: ethnicity, contestation and clientalism in the revolutionary periphery // Revolutionary Russia. L., 2014. Vol. 27, N 1. P. 22-46.
25. Blauvelt T. K. March of chekists: Beria, secret police patronage network and Soviet crypto-politics // Communist and Post-Communist Studies. №44. 2011. P. 73-88.

REFERENCES

1. Prudnikova E. Beriia. Poslednij rycar' Stalina - SPb.: Izdatel'skij Dom «Neva», 2005. 627 s.
2. Kremlev S. Beriia. Luchshij menedzher XX veka. Izd-vo «Eksmo», Moskva, 2011. 797 s.
3. Martirosyan A.B. Vdohnovitel' repressij ili talantlivyj organizator? 1917-1941 gg. – М.: Veche, 2010. 480 s.
4. Martirosyan A.B. Ot slavy k proklyatijam. 1941-1953 gg. – М.: Veche, 2010. 384 s.
5. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 5. 1937-1939. Kn. 2. 1938-1939 /pod red. V.Danilova. – М.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2006. 704 s.
6. Nekrasov V.F. Trinadcat' «zheleznyh narkomov»: Hudozhestvennoe-dokumental'noe povestvovanie.- М.: Versty., 1995. 416 s.
7. Politbyuro i delo Beriia. Sbornik dokumentov / pod obshchej red. O.B. Mozohina. – М.: Kuchkovo pole, 2012. 1088 s.
8. Lavrentij Beriia. 1953. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty. Pod red. akad. A.N. YAKovleva; sos. V.Naumov, YU. Sigachev. М.: MFD. 1999. 512 s.
9. Hlevnyuk O.V. Beriia: predely rehabilitacii // Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendencii poslednih let / pod red. Bordyugova G.A. М.: «AIRO-XX», 1996. S. 139-155.
10. Martirosyan. A.B. Ot slavy k proklyatijam. 1941-1953 gg. – М.: Veche, 2010. 384 s.
11. Delo Beriia. Prigovor obzhalovaniyu ne podlezhit / sostavitel' V.N. Haustov. М.: MFD, 2012. 752s. (Rossiya XX vek. Dokumenty); Politbyuro i delo Beriia. Sbornik dokumentov / pod obshchej red. O.B.Mozohina. М.: Kuchkovo pole, 2021. 1088 s.

12. Nekrasov V.F. Trinadcat' «zheleznyh narkomov»: Hudozhestvennoe-dokumental'noe povestvovanie.- M.: Versty., 1995. 416 s.
13. Petrov V.V., Marusenko M.A., Piotrovskaya K.R., Man'yas I.N., Mamaev N.K. Ob avtorstve «pisem Berii iz zatocheniya» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. T.10. Vyp. 3. 2019. S. 586-605.
14. Mlechin L.M. Lavrenitij Beriya. Istoriya napisana krov'yu / Fond podderzhki social'nyh issledovaniy RGASPI. – M.: Politicheskaya enciklopediya, 2021 – 646s.; Sokolov B. V. Beriya. Sud'ba vsesil'nogo narkoma. M.: AST: Astrel', 2008. 542 s.
15. Sokolov B. V. Beriya. Sud'ba vsesil'nogo narkoma. M.: AST: Astrel', 2008. 542 s.
16. Ismailov E. Istoriya «bol'shogo terrora» v Azerbajdzhane / El'dar Ismailov. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 239 c.
15. Baberovski J. Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze [per. s nem. V.T. Altuhova]. – M. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. 855 s.
18. Kumanyov G.A. Ryadom so Stalinyim: otkrovennye svidetel'stva. Vstrechi, besedy, interv'yu, dokumenty / In-t ros. istorii RAN i dr. M.: Bylina, 1999. S. 446.
19. Ficpatrik SH. O komande Stalina: gody opasnoj zhizni v sovetskoj politike / SHejlaFicpatrik; perevod s anglijskogo E.Varginoj; pod nauch. red. O.Edel'man. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2021. 528 s.
20. Kobba D. V. Gosudarstvennaya deyatel'nost' L.P.Berii (1939-1953 gg.). diss. kand. ist. nauk. M. 2002. 192 s.
21. Morukov M.YU. Pravda GULAGa iz «Kruga pervogo». M. 2002. – 192 s.
22. Vittlin T. Commissar: The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria New York: Macmillan, 1972. 566 p.
23. Knight Amy. Beria, Stalin's first lieutenant. Princeton University Press. 1995. 395 p.
24. Blauvelt T. K. The establishment of Soviet power in Abkhazia: ethnicity, contestation and clientalism in the revolutionary periphery // Revolutionary Russia. - L., 2014. - Vol. 27, N 1. - P. 22-46.
25. Blauvelt T. K. March of chekists: Beria, s secret police patronage network and Soviet crypto-politics // Communist and Post-Communist Studies. №44. 2011. P. 73-88.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE PERSONALITY OF LAVRENTIY BERIA IN HISTORIOGRAPHY AND JOURNALISM

© 2025 A.V. Zakharchenko¹, A.V. Morozov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

²Secondary comprehensive school in Krasny Yar village,
Krasnoyarskiy municipal district, Samara Oblast

The inconsistency in the assessment of the activities of L.P. Beria as one of the representatives of the Stalinist elite is a fact not only in historical journalism, but also in modern historiography. In the article, this problem is revealed through an analysis of the positions of researchers who assessed Beria's professional qualities as Stalin's deputy in the government. The thesis about his persistent desire to limit repression, which is found in historical journalism, has been refuted. The authors have come to the conclusion that in foreign and domestic studies devoted to the "Stalinist people's commissar", judgments coincide not only on his sufficiently high managerial skills as an economic leader, but also on the ability to build and strengthen a network of clients that provided strong positions in the Soviet political system of the 1930s and 1950s.

Keywords: L.P. Beria, I.V. Stalin, NKVD, repressions, Council of People's Commissars, Soviet economy, public administration.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-4-123-132

EDN: AGGIXZ

Aleksei Zakharchenko, Doctor of History, Professor of the Department of Humanities.

E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

Aleksei Morozov, Teacher of History and Social Studies. E-mail: morozov-av5@yandex.ru